

«Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. и задачи логики в эпоху Просвещения* Часть II

А.Н. Круглов

В течение XVIII в. в немецкой философии сосуществовало около десятка терминов для обозначения логики, из которых особо выделялись два: «Vernunftlehre» и «Logik». Различия, первоначально связанные с переходом от латинского философского языка к немецкому, привели и к содержательным различиям в понимании задач логики в эпоху немецкого Просвещения, наиболее отчетливо проявившимся в «Учении разума» Хр. Томазия и «Немецкой логике» Хр. Вольфа. Томазий антропологизирует учение разума, утверждая, что оно относится только к человеку как обладающему разумом, и объясняет саму потребность в логике результатом грехопадения, после которого необходимо возвращение к здоровому состоянию рассудка. Томазий отказывается от схоластической мнемоники и силлогистики и концентрируется на практических задачах логики в повседневной жизни. Вольф строит собственную логику на математическом методе, исходит в теоретической части из трехчленной структуры «понятие — суждение — умозаключение» и является сторонником универсального применения силлогистики, в том числе и в искусстве открытия. Различаясь во взглядах на силлогистику, и Вольф, и Томазий утверждают необходимость в логике средств не только для обоснования истины, но и для открытия новых истин. Как Вольф, так и Томазий сознательно уходят от дискуссий по поводу второй составляющей термина «учения разума», а именно: является ли логика учением, наукой, искусством, инструментом, предпочитая вместо этого разрабатывать практическую часть логики, одним из высших достижений которой является соответствующий раздел в латинской логике Вольфа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хр. Томазий, Хр. Вольф, учение разума, теоретическая логика, практическая логика, искусство открытия, силлогистика, немецкое Просвещение.

КРУГЛОВ Алексей Николаевич — Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет, Москва, 125993, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6.

доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета РГГУ.

akrouglov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12 марта 2018 г.

Цитирование: *Круглов А.Н.* «Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. и задачи логики в эпоху Просвещения. Часть II // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 172–187.

III. «Немецкая логика» Хр. Вольфа

По справедливому замечанию Х.-В. Арндта — одного из тех исследователей, кто воскресил подлинный философский интерес к Вольфу в XX в., — ни одна другая

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00889а, «Кантовские лекции по логике в свете современной теории аргументации и традиции критического мышления». Первую часть см.: [Круглов 2018].

© Круглов А.Н., 2019

логика XVIII в. не отстоит от Томазия дальше, нежели «Немецкая логика» Вольфа [Arndt 1978, 51–52]. Как и Томазий, Вольф сопроводил свою «Немецкую логику» символической иллюстрацией, содержащей, однако, помимо изображения латинское изречение «Discernit pondera rerum», переведенное в середине XVIII в. на русский как «Всем вещам есть развес». Изречение относится к весам под облаками, которые держит выступающая из небес рука, одновременно напоминающая шею и голову птицы. На то, чтобы оценить подлинный вес всякой вещи, причем на одних и тех же весах человеческого рассудка, и направлены «Разумные мысли о силах человеческого рассудка и их правильное употребление в познании истины». Если бы об этой «мелкобуржуазной», «лавочнической» претензии Вольфа в свое время знал Г. Гейне, возможно, он бы дополнил Вольфом свое едкое сравнение М. Робеспьера и И. Канта: «...тип мешанины в высшей степени выражен в обоих: природа предназначила их к отвешиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому – Бога... И они взвесили точно!» [Гейне 1994, 139]. В замысловатом заглавии «Немецкой логики», формально воспроизводящемся затем и в «Немецкой метафизике» Вольфа и ряде иных произведений, – «Разумные мысли...» – сказывается, вероятно, влияние трактата французского философа П. Пуаре [Poiret 1677; Wolff 1755, 74; Acta eruditorum 1713, 133], а в стиле и композиции – трактата по логике французского ученого Э. Мариотта [Mariotte 1678; Cataldi Madonna 2018, 94].

Общее строение «Немецкой логики» Вольфа сразу же говорит о том, что автор обдуманно писал университетский учебник, хорошо представляя себе его место и значение в процессе обучения. Более того, в целом компендиумы Вольфа являются первоклассными образцами учебной литературы. Вольф явно исходил из того, что с логики начинается процесс обучения философии, а поэтому предпослал собственно логической части небольшое вступление для приступающих к обучению, в котором давались разъяснения о том, чем является философия, из каких частей она состоит («Предуведомление о философии»). Именно это предуведомление претерпело существенные изменения по мере складывания вольфовской философии и написания «Немецкой метафизики» [Wolff 1733, 4]. В третьем издании Вольф подчеркнул, что та часть мировой мудрости, в которой идет речь о «всеобщем познании вещей», называется «*онтологией*, или *основной наукой* (Grund-Wissenschaft)», и вместе с учением о духах и естественной теологией она составляет «*метафизику*, или *главную науку* (Hauptwissenschaft)» (§ 14) [Wolff 1722, 8]¹. Первую же часть этого философского построения как раз и занимала у Вольфа логика, отождествляемая с учением разума и искусством разума. Кроме того, в завершающей главе всего произведения в поздних изданиях также содержится понятие логики [Wolff 1754, 217]. Уже при разъяснении порядка частей философии у Вольфа возник вопрос, которого не было у Томазия, а у Вольфа он оказывается одним из ключевых: как логика и, шире, философия соотносится с математикой?

За три года до «Немецкой логики» Вольф опубликовал первый том одного из своих самых успешных учебников: «Начальные основания всех математических наук». Начался он в привычном для Вольфа стиле с некоего общего вступления – в данном случае с «Краткого обучения математическому методу или способу преподавания»². Разъясняя смысл своего метода, он утверждает: «Вид и способ заключать из данных положенных оснований не является каким-то иным нежели тот, что давно описан во всех учебниках *логики*, или *искусства разума*. Доказательства, или *демонстрации математиков* суть не что иное, как собрание составленных по правилам искусства разума заключений. В соответствии с чем в них все умозаключается при помощи так называемых *силлогизмов*, только иногда, или же даже часто одна из *посылок* опускается, поскольку она либо сама приходит на ум читателю, который пытается понять доказательство, либо же легко может быть отгадана на основе приведенной *цитаты*» (§ 42) [Wolff 1710, 23–24]. Эту особую роль силлогизмов и энтимем Вольф уточняет так: «...ни одно совершенное доказательство не может вестись иначе, кроме как если наши мысли следуют друг за другом по *силлогистическим* правилам» (§ 43) [Wolff 1710, 24]. Таким образом, Вольф рассматривает силлогизм как основополагающую логическую форму, лежащую в основании в том числе и математического доказательства. Но в поздних

изданиях этого математического компендиума Вольф несколько скорректировал свою позицию, добавив следующий пассаж о пользе математики: «...правильная логика или искусство разума не сообщает никаких иных правил чем те, которые наблюдаются в математическом способе обучения» (§ 52) [Wolff 1737, 30–31]. По этой причине изучение математики Вольф истолковывает как пропедевтику для логики.

Одним из принципиальных положений вольфовской философии, вызвавшим со временем бурную дискуссию, явилось утверждение о тождестве математического и философского метода³. Основные черты метода даны Вольфом в его сообщении о собственных его немецких сочинениях. Три главные части метода таковы: «...во-первых, все слова, посредством которых толкуют о вещах, о которых нечто доказывают, объясняются при помощи отчетливых и развернутых понятий; во-вторых, все положения доказываются при помощи упорядоченных и примыкающих друг к другу следствий; в-третьих, не может быть принята ни одна предпосылка, которая бы раньше уже не была упрочена» [Wolff 1733, 61–62]⁴. Начиная с латинской диссертации 1703 г. «Всеобщая практическая философия, сочиненная по математическому методу» [Wolff 1703], многие произведения Вольфа имели в названии это дополнение: написано или трактовано «по научному методу». В этом вопросе Вольф существенно расходится с Томазием и находится под влиянием Чирнхауза, чье «Врачевание ума или общие предписания искусства открытия» он внимательно штудировал [Ludovici 1738, 4, 13–14; Ludovici 1737, 44, 45–46, 175; Wolff 1704, 24].

Во второй части произведения, посвященной методологической проблематике, Чирнхауз в традиции Ф. Бэкона бросил упрек современной ему логике в том, что та не является искусством открытия [Tschirnhaus 1695, 28–29], и сформулировал два принципа. Первый состоит в том, что нечто мы можем познать, а нечто мы познать не в состоянии, — из этого принципа выводятся все познания истинного и ложного. Из другого же принципа мы узнаем, в каких случаях мы обязаны одному лишь опыту [Tschirnhaus 1695, 292–293]. Развивая первый принцип, Чирнхауз приходит к критерию истины, согласно которому познаваемое является истинным, а непознаваемое является ложным [Tschirnhaus 1695, 34–35]. В качестве непознаваемого у Чирнхауза выступает то, что познаваемо по отдельности в своих элементах, однако непознаваемо в связи этих же элементов. Тем самым ложность суждения есть для Чирнхауза неспособность к объединению входящих в него понятий. То, о чем мы не можем иметь понятия, является не ложным, а лишь неизвестным [Tschirnhaus 1695, 42, 57]. Тот факт, что для всех людей одно и то же оказывается познаваемым, равным образом как одно и то же непознаваемым, свидетельствует о том, что и рассудок у всех людей один и тот же. Данный тезис Чирнхауз обосновывает и тем, что все люди принуждаются доказательствами к согласию [Tschirnhaus 1695, 38]. Если же вопреки этому возникает заблуждение, то его следует приписывать способности воображения, которая представляет нам образы как понятия, а неизвестное — как известное [Tschirnhaus 1695, 43, 60]. Согласно Чирнхаузу, дефиниции должны всецело определять предмет, указывая для этого все необходимые для порождения данного предмета свойства [Tschirnhaus 1695, 67–68]. На основе дефиниции в интеллекте конструируется определяемый в ней предмет, благодаря чему он становится также и познаваемым. Тем самым Чирнхауз выступает сторонником генетического определения.

Но отношение Вольфа к Чирнхаузу со временем менялось. Первоначально, несмотря на критику нахождения у Чирнхауза реальных определений и его критерия истины (согласно Вольфу, познаваемое есть лишь то, что возможно) [Wolff 1841, 124], Вольф разделял его тезис, что силлогизм не может являться средством для открытия истины, ибо надо уже заранее знать заключение, чтобы восстановить силлогизм. Наряду с Чирнхаузом во «Врачевании ума», этой же позиции придерживался и Э. Вайгель в основательной, более чем тысячестраничной «Философии математики» [Weigel 1693]⁵, и на оба эти произведения Вольф ссылается в автобиографии [Wolff 1841, 134–136]. Затем же, не без влияния Лейбница, Вольф вновь вернулся к силлогистике как к универсальному методу и наиболее приемлемому источнику познания, ибо понял, как из предположений рассуждений перейти к заключениям [Wolff 1841, 137].

Таким образом, в «Немецкой логике» Вольфа имеется три важных вопроса, на основании которых ее можно соотнести или противопоставить немецкой логике Томазия: роль силлогистики, место искусства открытия истины и общий характер практической части логики.

Первые пять изданий «Немецкой логики» содержат многочисленные изменения: Вольф был неутомимым и добросовестным автором, раз за разом пытался усовершенствовать очередные издания своих трудов. Начиная с пятого издания 1727 г. и вплоть до последнего прижизненного четырнадцатого издания 1754 г. Вольф больше не вносил каких-либо содержательных изменений, поскольку новации он стал включать уже в латинский текст своей логики, первое издание которой появилось в 1728 г. [Wolff 1728]⁶. Композиционно изменения «Немецкой логики» выглядят следующим образом: начиная с пятого издания появилась завершающая шестнадцатая глава «Как следует обрести умение в применении логики» [Wolff 1727^a, 217]. А в первом издании глава об умозаключениях была шестой по счету, но уже начиная со второго издания 1719 г. Вольф поместил эту главу четвертой, сразу за понятиями и высказываниями [Wolff 1713, 84; Wolff 1719, 65]. В отличие от Томазия, опубликовавшего две части «Учения разума», явным образом делящие логику на теоретическую и практическую, у Вольфа это разделение менее отчетливое. Тем не менее, если отталкиваться от первого издания, можно в целом исходить из того, что первые шесть глав относятся к теоретической части: «О понятиях вещей», «Об использовании слов», «О высказываниях», «О выводах, и как мы посредством них можем упрочиться в истине», «Об опыте, и как посредством него могут находиться суждения», «Об открытии суждений из определений и о разрешении задач». Остальные же десять глав посвящены практической логике⁷.

Наиболее развернутыми оказываются в этой теоретической части две главы — о понятии, коим оказывается «всякое представление некоего предмета в наших мыслях» (§ 4) [Wolff 1754, 12; Вольф 1765, 13], и об умозаключениях. Хотя количество глав в теоретической части и больше, у Вольфа все же просматривается хорошо знакомая и ныне трехчленная структура: понятие, суждение и умозаключение. Насколько можно судить, Вольф проводит некоторое различие между суждением (*Urteil*) и высказыванием (*Satz*), которое можно трактовать и как предложение. Ключевой термин из заглавия книги — «мысли» — у Вольфа разъясняется иначе чем у некоторых предшественников. Если Томазий истолковывал мысли как внутреннюю речь с самим собой (§ 22–25) [Thomasius 1691, 94], то Вольф определял их как «те действия души, посредством которых мы осознаем себя» (§ 2) [Wolff 1754, 9; Вольф 1765, 12]. Отличие «Немецкой логики» от современных вариантов формальных логик во многом состоит в том, что Вольф придает в своем трактате огромное значение опыту: так, в главе о понятиях развернуто обсуждаются различные варианты опытного происхождения понятий, а чуть позже даже содержится специальная глава о нахождении высказываний из опыта, включая и общие высказывания (§ 15) [Wolff 1754, 124–125; Вольф 1765, 150–152]. В главе о понятии не найти привычных рассуждений о содержании и объеме, зато ставится задача, оказывающаяся во многом одним из лозунгов немецкого Просвещения: ясные и отчетливые понятия [Hinske 1990, 413–414, 427], что, впрочем, напоминает «расчищение своей головы» у Томазия. «Научный» характер рассуждений Вольфа и его следование провозглашенному им же самим методу ощущается с первых параграфов: в науках в объяснениях нельзя использовать ничего, что бы с полным основанием уже не предполагалось известным благодаря предшествующим ступеням знания или что не было уже объяснено ранее (§ 39) [Wolff 1754, 45–46; Вольф 1765, 52–53]. Правда, и здесь немецкая логика Томазия оставила след: кое-что, по Вольфу, можно все же ради упрощения опускать и сокращать, избегая «педантизма» (§ 27) [Wolff 1754, 107; Вольф 1765, 128–129]. Затрагивая во второй главе проблему логики и языка, Вольф пытается объяснить, как возможно понятное говорение о предмете с несовместимыми характеристиками (§ 6) [Wolff 1754, 61–62; Вольф 1765, 71–72]. В этой связи он различает «тон слов» и «понятие предмета, который они обозначают» (§ 9) [Wolff 1754, 63–64; Вольф 1765, 74], допуская существование слов без соответ-

ствующих понятий. Еще одной задачей, напоминаящей требование ясных и отчетливых понятий, оказывается нахождение «правильного значения слов» (§ 16) [Wolff 1754, 67–68; Вольф 1765, 78–79].

Довольно бедной по содержанию оказывается третья глава о высказываниях. Упомянутое выше различие между суждениями и высказываниями на уровне дефиниций выглядит следующим образом: суждение есть «либо соединение либо разъединение двух или более понятий» (§ 2) [Wolff 1754, 70; Вольф 1765, 81–82], в то время как «речь, посредством которой мы даем понять, что вещи нечто присуще или нет, мы называем высказыванием» (§ 3) [Wolff 1754, 70; Вольф 1765, 82]. Необычной здесь предстает лишь попытка истолковать простые атрибутивные суждения как импликации.

Центральной оказывается глава об умозаключениях, основанием которых оказывается закон непротиворечия (§ 5) [Wolff 1754, 82–83; Вольф 1765, 97]. В отличие от предыдущих глав, Вольф уходит от дефиниций, пытаясь вполне доступным образом объяснить смысл силлогизма, а также его правила. Как и Томазий, Вольф упоминает только три фигуры силлогизма (§ 8) [Wolff 1754, 85; Вольф 1765, 99–100], объясняя сводимость второй и третьей фигуры к первой (§ 14) [Wolff 1754, 88; Вольф 1765, 104–105]. Несмотря на то значение, которое Вольф придавал в логике силлогистике, он оказался все же не свободен от уничижительной критики силлогистики со стороны Томазия и других его современников, а поэтому смиренно заметил, что не желает обременять новичков излишними подробностями силлогизмов и ограничится исключительно лишь одной первой фигурой. Правда, в отличие от Томазия он все же объясняет четыре правильных модуса первой фигуры (§ 15–16) [Wolff 1754, 89–90; Вольф 1765, 105–107], однако трудно избавиться от впечатления, что написание на немецком «Barbara» дается Вольфу в первой половине XVIII в. уже не без труда. В традиции своего времени Вольф выделяет среди силлогизмов еще *modus ponens*, или гипотетический силлогизм (§ 18) [Wolff 1754, 91; Вольф 1765, 108–109], а также *modus ponendo-tollens* / *modus tollendo-ponens* (только для строгой дизъюнкции) (§ 19) [Wolff 1754, 92; Вольф 1765, 110–111], которые он в латинской логике называет дизъюнктивными силлогизмами (§ 409, 419) [Wolff 1740⁶, 331, 338]. Согласно Вольфу, посредством этих типов умозаключений осуществляется все, что человеческий рассудок находит в процессе познания. Их главное применение – демонстративные доказательства, при которых следует доискиваться до таких посылок правильного вывода, которые являются «объяснениями» или явно подтвержденными опытом положениями. Под «объяснениями», то есть дефинициями, Вольф понимает следующее: «Если отчетливое понятие подробно, то есть... так создано, что оно присуще немногим вещам как некоему одному роду, а поэтому они в любое время могут быть отличены посредством него от всех других им подобных, то я называю его *объяснением*...» (§ 36) [Wolff 1754, 44; Вольф 1765, 50].

Упреждая возможные вопросы оппонентов о том, зачем он подробно описывает презренные и осмеянные древности, Вольф заявляет, что и сам прекрасно знаком с этой критикой еще от своих учителей, однако вопреки этому все же пришел к выводу о неустранимости силлогистики и ее решающей роли в человеческом познании. Свой тезис о применимости силлогистики в науке он конкретизирует так: во-первых, «в геометрических демонстрациях мыслят действительно при помощи облеченных в правильную форму умозаключений», во-вторых, «в математике как таковой ничто не может быть найдено иначе кроме как посредством подобных умозаключений», в-третьих, «если в других дисциплинах нечто желают излагать и демонстрировать по математическому способу, к этому должны вести нас облеченные в правильную форму умозаключения», и, наконец, в-четвертых, «при помощи этих заключений можно противостоять самым утонченным заблуждениям» (§ 22) [Wolff 1754, 97; Вольф 1765, 115–116]. На различных примерах, однако преимущественно математического свойства, Вольф пытается прояснить свои утверждения.

И если его примеры доказательств выглядят более или менее убедительными, то попытка показать применение силлогистики в искусстве открытия вызывает сомнения. Вольф пытается избежать такого рассуждения, в котором для восстановления энтимемы уже заранее надо знать заключение и средний термин, а поэтому нахождение

новой истины оказывается мнимым. Его пример нахождения новой истины в «Немецкой логике» напоминает, скорее, некую подгонку под ответ, при которой производится поиск обоснования для того или иного уже сформулированного тезиса. В результате такого поиска стремятся дойти до предпосылки, представляющей собой, выражаясь современным языком, тавтологию, аналитическое суждение, номинальное определение. Сам же Вольф говорит в этой связи о реальных дефинициях, которые для него суть генетические определения, или о ясных на основе опыта положениях. Правда, неслучайно в этих контекстах у него все же мелькают и такие фразы, как «пустые высказывания». Возможно, сюда же еще можно добавить и не требующие доказательства аксиомы (Grundsatz) и постулаты (Heischsatz) из шестой главы об открытии высказываний (§ 1) [Wolff 1754, 126; Вольф 1765, 152–153].

Проблема вольфовского подхода состоит в нахождении промежуточных положений, требуемых для восхождения в обосновании до высказываний, далее не требующих обоснования, из которых затем и выводится исходное высказывание, объявляемое новой истиной. Откуда берутся эти промежуточные высказывания, по какому принципу приводятся, в главе об умозаклчениях Вольф оставляет без разъяснений, ссылаясь на искусство открытия истины, представляющее собой, с одной стороны, часть логики, но, с другой стороны, и предмет собственного исследования. Но даже если эта проблема и будет решена, в данном случае только с очень большой натяжкой можно говорить об открытии «новых истин», а не об обосновании, *post factum* претендующем на истину.

В этом вопросе прояснить позицию Вольфа может его «Немецкая метафизика». В ней *ars inveniendi* определяется следующим образом: «Если из известных истин производят другие, которые не были еще нам известны, то о них говорят, что мы их *изобретаем*. Навык к этому — *искусство открытия*» (§ 362) [Wolff 1751, 219; Вольф 2001, 268]. Как и в «Немецкой логике», Вольф утверждает, что одно из главных средств искусства открытия — умозаклчения: «Поскольку посредством искусства выведения из некоторых известных положений приобретают другие, до этого неизвестные положения, то заклучения являются средством изобретения еще неизвестных истин» (§ 363) [Wolff 1751, 220–221; Вольф 2001, 268]. Заклучения (Schlüsse), о которых здесь идет речь, суть не что иное, как силлогизмы. Вольф ставит задачу объяснить, как одна мысль следует из другой, и именно здесь он и усматривает пользу силлогизмов.

Пример же применения силлогистики в метафизике более наглядный и понятный, нежели в логике: Тит просыпается поутру, слышит звон колоколов, отбивающий пять часов утра, встает, одевается, читает утреннюю молитву и т.д. Если подобное случается осознанно и добровольно, то в чем причина такого порядка и последовательности указанных действий? Вольф утверждает, что это происходит на основе силлогистических выводов. Когда Тит поутру слышит пятикратный бой колоколов, он судит: сейчас пять утра. Тут он вспоминает условную посылку: если колокола бьют пять, то я хочу встать с постели. Осознавая осуществление своей воли, он понимает: он встал. Эта мысль, в свою очередь, пробуждает в его памяти еще одну условную посылку: если я встаю, то я должен одеться (§ 342) [Wolff 1751, 195–197]. Ключевой вопрос Вольфа звучит так: можно ли осуществить подобный силлогистический вывод, не зная заранее заклучения? Ответ его звучит утвердительно, в противном случае силлогистика была бы бесполезной для искусства открытия. В вышеприведенном примере к меньшей посылке первого заклучения мы пришли, по Вольфу, на основе «созерцания», то есть опытного познания, услышав бой колоколов. Большая же посылка была извлечена нами из памяти благодаря среднему термину из меньшей посылки. Связывая два различных термина в посылках друг с другом, мы получили заклучение, а затем взяли его в качестве меньшей посылки для дальнейшего рассуждения (§ 345) [Wolff 1751, 201–202]. Тем самым Вольф подчеркивает, что искусство открытия не является аналитическим и не может быть сведено к какому-то исходному первопринципу, из которого строго дедуктивно можно было бы вывести все возможные истины. Хотя истины и выводятся дедуктивно на основе силлогизмов, посылки для них берутся из опыта, из памяти и накопленных и усвоенных знаний, а поэтому Вольф замечает: кто много знает, тот способен открыть много новых истин.

Но силлогистические выводы — это не единственное средство искусства открытия. Помимо них имеются и иные правила, благодаря которым можно прийти к некоему исходному началу для дальнейших силлогистических выведений (§ 364) [Wolff 1751, 221]. Однако эти правила, в которых огромную роль играет остроумие, или живость ума, в значительной степени выходят за границы логики. По этой причине Вольф провозглашает два вида правил в искусстве открытия: за одни из них ответствен рассудок (силлогистические выводы), а за другие — остроумие, усматривающее сходное в различном. Примеры действия остроумия, различные эвристические приемы, применяемые в этом процессе, также выходят за границы логики в строгом смысле⁸. Часть их более или менее традиционна и напоминает то, что можно встретить и у Лейбница [Лейбниц 1984^a, 474–479], часть является, скорее, оригинальной. Наряду с этим, в искусстве открытия имеются еще и специальные правила соответствующих предметных областей, которые и предполагают богатые знания у того, кто дерзнул открывать новые истины (§ 367) [Wolff 1751, 223–224]. По этой причине данное искусство должно завершать другие науки, а не предварять их, как логика. Искусство открытия Вольф подразделяет на априорную и апостериорную части (§ 455) [Wolff 1738, 356]. В свою очередь, апостериорное искусство открытия основано на опыте, который подразделяется на наблюдение и эксперимент (§ 99) [Wolff 1740^a, 169–170], (§ 456–457) [Wolff 1738, 357].

Если вернуться к «Немецкой логике», то Вольф затронул в ней напрямую две проблемы искусства открытия: обретение нового знания на основе опыта и силлогистические выводы из дефиниций. Однако в лучшем случае здесь обнаруживается только довольно бедный набросок искомого искусства, хотя Вольф все же решил, как кажется, главное для себя затруднение — продемонстрировать применимость силлогистики в этом искусстве. В пятой главе формулируются некоторые правила опытного познания, и все-таки эта тематика не выглядит органичной в границах логики даже в вольфовском смысле. В шестой же главе ставится задача разъяснить способы выведения некоего нового знания из дефиниций. Путь, который предлагает Вольф, таков: из дефиниций выводят аксиомы и постулаты, не требующие доказательств, ибо каждый понимает и принимает их на основе дефиниций. Затем формулируются теоремы, представляющие собой сопоставление различных дефиниций друг с другом (§ 3) [Wolff 1754, 127; Вольф 1765, 155–156]. Начинать лучше всего с наиболее простых дефиниций, над которыми легче размышлять, и переходить к таким теоремам, которые можно легко и быстро проверить. Этим требованиям лучше всего соответствует математика, а поэтому именно на ней Вольф и предлагает тренироваться не только в логике в целом, но и в искусстве открытия. Судя по всему, косвенно к этому же предмету Вольф относит и собственные способы решения «проблем», а также установление причинно-следственных связей.

Вторая часть «Немецкой логики» посвящена уже практической логике: «О науке, вере, мнениях и заблуждениях», «Как надлежит исследовать как собственные силы, так и силы других в вопросе о том, достаточны они или нет для исследования истины», «Как следует оценивать как собственные открытия, так и открытия других», «Как следует судить о сочинениях», «Как действительно с пользой следует читать книги», «Об объяснении написанного с рассудком сочинения, в особенности Священного Писания», «Как следует убеждать», «Как следует опровергать», «Как следует проводить диспут», и наконец, «Как следует обретать умение в применении логики». Несмотря на довольно компактный текст, Вольф смог создать пример продуманного набора относительного небольшого числа правил и рекомендаций, позволяющих молодым людям обдуманно и разумно применять их умственные навыки. Практическая логика Вольфа заслуживает отдельного исследования. По сравнению с Томазием у Вольфа обнаруживаются преимущественно конкретные советы по применению логики в различных сферах познания и академической жизни. Особенно впечатляющей является глава Вольфа о том, как следует читать книги. Выхолащивание, а затем и элиминация подобного раздела из учебников логики XIX–XXI в. вряд ли иллюстрирует прогрессивное развитие этой дисциплины. Наличие ныне таких уже традиционных учебных курсов, как теория и практика аргументации, а также появление модных курсов академического письма или критического мышления, равно как и различных семинаров и практических занятий на

темы, как следует писать и защищать курсовые и дипломные работы, заставляет вспомнить о том, что Вольф был очень мудрым педагогом, у которого можно и сегодня многому научиться. Он завершает «Немецкую логику» обсуждением вопроса о соотношении естественной и искусственной логики (§ 2) [Wolff 1754, 218; Вольф 1765, 265–266]. Природную логику составляют «предписанные рассудку Богом правила и естественная сноровка действовать в соответствии с этим»; искусственная же логика «объясняет правила естественной и обучает естественную сноровку, чтобы она стала умением» (§ 3) [Wolff 1754, 219–220; Вольф 1765, 266–267]. Но, в отличие от Томазия, Вольф в принципе не исходит из того, что у кого-то природная логика настолько сильна, что делает избыточной искусственную, а лишь отмечает неравенство в одаренности природной логикой и, соответственно, разные результаты при применении тех же усилий в искусственной логике. Спорадические упоминания человеческих предрассудков в практической логике Вольфа показывают одно ее серьезное отличие от учения разума Томазия: если у последнего предрассудки играли одну из ключевых ролей и в значительной степени объясняли человеческие заблуждения, то для Вольфа проблема предрассудков удивительным образом остается далеко на заднем плане.

В завершение стоит сказать несколько слов о позднем латинском варианте логики Вольфа и его отличиях от немецкого. Само его появление, казалось бы, идет вразрез с замыслом автора излагать философские взгляды и учения на родном языке. Однако в поздние годы Вольф стал думать о распространении своей философии за пределами немецкоязычного пространства, для чего и прибег к латинскому переводу. Латинская логика Вольфа в большей мере содержит строгие определения, нежели его «Немецкая логика». Как и немецкий вариант, латинский содержит предупреждение общего характера, которое превратилось в программную работу для всей философии Вольфа: «Предварительное рассуждение о философии в целом». Данная парадоксальность свойственна всей философии Вольфа: чтобы приступить к изучению философии, следует начинать с логики, однако чтобы начать с логики, следует предварительно в общих чертах представлять себе философию. Дефиниция логики в целом у Вольфа не изменилась: в «Предварительном рассуждении» она определяется как наука о правилах способности познания в познании истины (§ 61) [Wolff 1740^b, 30]. А вот общее строение логики в латинском варианте претерпело заметные изменения. Во-первых, в отличие от «Немецкой логики», в латинском варианте четко обозначены две части: теоретическая и практическая. Теоретическая часть стала более компактной, и еще яснее в ней проступила трехчленная структура «понятие – суждение – умозаключение (рассуждение, *discursus*)» – эти три главы следуют за главой о логических принципах, исчерпывая содержание теоретической логики. В латинской логике Вольф гораздо подробнее рассматривает силлогизмы, и у него уже нет никаких внутренних препятствий в перечислении модусов трех первых фигур силлогизма (§ 344, 375–402) [Wolff 1740^b, 293, 307–328]. Развернутые разъяснения даны и для энтимем [Wolff 1740^b, 340–353], и для полисиллогизмов [Wolff 1740^b, 376–380].

И если собственно текст как теоретической, так и практической частей логики (то есть за исключением предварительных рассуждений, предисловий, регистров и пр.) в «Немецкой логике» в четырнадцатом издании целиком уместился на 221 странице, то в латинской логике в третьем издании он разросся до 741 страницы, причем львиную долю их – 479 страниц – занимает практическая часть. Такое разрастание практической части объясняется в том числе тем, что именно туда переместились раздел об искусстве открытия новых истин [Wolff 1740^b, 480–537] и там же появились специальные главы о доказательстве [Wolff 1740^b, 412–430] и о критерии истины [Wolff 1740^b, 387–411]. Но главная причина все же состоит в том, что Вольф добавил большое количество новых правил и рекомендаций, снабдив их дополнительными примерами, в разделы о чтении книг, диспуте, обхождении с оппонентами и др. Дефиниция искусства открытия новых истин в «Предварительном рассуждении о философии в целом» гласит, что это есть та часть философии, которая проясняет правила, руководящие рассудком в познании еще скрытых истин (§ 74) [Wolff 1740^b, 34–35]. А соответствующий раздел «Об использовании логики в открытии истины», более подробный, нежели соответствующие немецкие главы, поделен на три части, и, в отличие от «Немецкой логики»,

здесь явственно проступает различие апостериорного и априорного искусства: с одной стороны, главы об эксперименте, об опытных суждениях и апостериорных понятиях, а с другой стороны, глава о суждениях на основе умозаключений и априорных дефинициях. Правда, некоторые составные части практической логики немецкого варианта у Вольфа в латинской версии пропали. То, чем Вольф завершает практическую логику, а также «Немецкую логику» в целом, — соотношение естественной и искусственной логики, — в латинском варианте (*logica naturalis* и *logica artificialis*) переместилось в самое начало — в «Пролегомены к логике», предпосланные теоретической части. Практическая логика Вольфа в ее латинской версии приобрела целый ряд достоинств и оставила определенный след даже в ожесточенной полемике в рамках немецкого идеализма. Однако компактный и хорошо продуманный вариант практической части «Немецкой метафизики» она нивелировать все же не смогла, и наличие четырнадцати прижизненных изданий этого сочинения Вольфа, а также французский, итальянский, нидерландский, датский, русский и английский переводы еще XVIII в. [Biller 2018, 21] красноречиво свидетельствует об этом.

IV. «Vernunftlehre» и / или «Logik»: некоторые итоги борьбы альтернативных подходов

Проблема названия собственной дисциплины сопровождает логику со времен Аристотеля, предпочитавшего говорить об органоне, аналитике, диалектике. Не обошла стороной эта проблема и Россию, где непродолжительный период в ходу было понятие «умословия или умственной философии» [Рижский 1790]⁹ В немецкой философии более столетия существовали два основных варианта обозначения логики: «Vernunftlehre», или учение разума, и «Logik», или просто логика. Ярким примером первого варианта в эпоху раннего просвещения в Германии явились немецкие трактаты Томазия, а второго — «Немецкая логика» Вольфа, хотя оба автора применяли и конкурирующие варианты и при этом нередко утверждали отсутствие различий между двумя терминами. Третий распространенный немецкий вариант — «искусство разума» — все же явно проигрывал им в частоте, а к середине XVIII в. активно использовался уже разве что у И.Г. Дарьеса [Darjes 1737]. Что же касается соотношения «учения разума» и «логики», то если в первой половине XVIII в. доминировал первый термин, то во второй половине он постепенно стал уступать второму. В середине XVIII в. широкое распространение и серьезное влияние еще имели два компендиума по логике, озаглавленные «Учение разума»: Реймария [Reimarus 1756; Reimarus 1782] и Майера [Meier 1752^a; Meier 1752^b; Meier 1760; Meier 1762]. Хотя сочинения с таким названием выходили почти до самого конца XVIII в. [Ulrich 1772; Sailer 1785; Weber 1788], они постепенно стали вытесняться «логикой».

Первоначально разночтения были связаны лишь с переходом с латинского философского языка на немецкий и поиском адекватного немецкого термина для латинизированного понятия «logica». При этом создание немецкой кальки «Logik» около полувека даже не принималось во внимание, и латинско-немецкая комбинация Томазия «*Logicke*» является здесь хорошей иллюстрацией. Со временем же наиболее распространенный поначалу немецкоязычный вариант для логики — «Vernunftlehre» — оброс буквальными толкованиями, что сказало и на трактовке предмета и задач самой дисциплины.

В первоначально выбранном немецком термине «Vernunftlehre» второй корень, «учение», сразу же стал провоцировать дискуссии о том, является ли логика учением, искусством, инструментом, наукой; однако ни Томазий, ни Вольф не захотели в них участвовать, считая саму постановку вопроса схоластической в уничижительном смысле слова. Первый же корень этого слова наводил на куда более серьезные размышления. Решающим отличием «учения разума» Томазия от большинства логик того времени было утверждение, что данная дисциплина касается только и исключительно человека как единственного существа, наделенного разумом. И хотя Вольф нигде буквально не высказывается сходным образом, представленный им вариант логики также является дисциплиной «о силах человеческого рассудка». В то же время силы человеческого рассудка, составляющие основу естественной логики, заложены Богом, в чем вновь сходятся Томазий и Вольф. Но если у Вольфа теологическая составляющая

логики этим практически и исчерпывается, то Томазий идет гораздо дальше, рассматривая саму потребность в логике в качестве следствия испорченности естественной логики в результате грехопадения, которое одновременно оказывается и одним из основных источников и причин логических ошибок и заблуждений.

Акцент на человеческих основаниях логики, традицию которых указанные авторы возводили к логическим работам Рамуса, предопределил сильную практическую направленность логики немецкого Просвещения, и в данном вопросе Томазий и Вольф вновь согласны друг с другом. Для их современников практический характер логики «для употребления в человеческой жизни» был несомненен [Rohr 1726]. Пользу от логики обнаруживали повсюду, включая даже чтение надгробных речей [Treuner 1697]. Однако на протяжении XVIII в. в рамках немецкого Просвещения все же наблюдается постепенное выхолащивание практической части логики, примером чему может служить и Кант. Вероятно, непревзойденной вершиной практической логики оказываются немецкая и латинская логики Вольфа.

Принципиальным как для учения разума Томазия, так и для логики Вольфа было то, что их учебники носили универсальный характер, предназначались для всех. Томазий специально подчеркнул независимость изучения логики от пола, но вопреки этому во второй половине XVIII в. в Германии стали появляться специальные логики для женщин [Vernunftlehre 1763; Atze 1778]. Вольф сознательно не привязывал изучение своей логики к какому-либо специализированному профессиональному обучению. Томазий же, хотя и демонстрировал пользу и особую ценность собственной логики для юристов, в целом все же смог избежать профессионального разграничения и специализации. И хотя большинство немецких логиков XVIII в. следовали за этими просветителями, во второй половине столетия все чаще стали появляться не только специальные логики для женщин, но и логики для военных [Jetze 1798], юристов [Krieger 1752] и для других профессий и также для особых сословий, под которыми подразумевались явно не «придворные мужи» Томазия [Reinhard 1742].

Если логика есть наука именно о человеческом рассудке, или учение разума, носит универсальный характер и нацелена в первую очередь на практическое применение, то в этом случае понятно, на каком достаточном основании она вправе претендовать на то, чтобы быть преподаваемой всем в качестве общей научной пропедевтики. При этом характер теоретической части логики мог очень существенно отличаться, и в этом вопросе Томазий и Вольф выглядят настоящими антиподами: «легкий способ» без силлогистики и специального математического аппарата Томазия и геометрический метод Вольфа, признававшего универсальное значение силлогистики. И хотя у этих мыслителей, да и их современников, не было единства в том, относится ли искусство открытия истин к теоретической или практической логике, само это искусство считалось неотъемлемой составной частью логики, а у некоторых более поздних мыслителей оно даже стало обозначать логику как таковую [Darjes 1742]. В то же время конкретные итоги по созданию правил искусства открытия и у Томазия, и у Вольфа выглядят скромными, больше оставаясь на уровне деклараций. Кроме того, у Вольфа данное искусство имеет тенденцию к некоему обособлению, в результате которого оно могло бы завершать систему наук, предваряемых как раз логикой.

Предваряющий характер логики по отношению ко всем иным философским и нефилософским наукам предопределил и у Томазия, и у Вольфа программный характер их учебников. Неслучайно во «Введении в придворную философию» и в «Немецкой логике» на фронтисписе помещены иллюстрации, которые проясняют замыслы авторов не только в логике, но и в философии в целом. Наличие же общего философского введения в учебнике по логике, самым ярким образцом которого явилось «Предварительное рассуждение о философии в целом», дополнительно придавало данным компендиумам некий философский характер, который они имели бы, впрочем, и без подобного введения. И хотя, по утверждениям историков логики, такая черта, согласно которой логика в конце XVII–XVIII вв. формировалась больше в соответствии с теоретико-познавательными, нежели формальными принципами [Risse 1970, 13], является общеевропейской, в Германии времен расцвета Просвещения она проступила особенно явно. Без особого труда в

логике и Томазия, и Вольфа обнаруживаются типичные просветительские черты, среди которых особенно заметна задача поиска ясных и отчетливых понятий или борьбы с пред-рассудками, а также идея самостоятельного мышления.

Однако, вероятно, именно этот философский характер логических компендиумов Томазия, Вольфа и ряда их современников, который ныне воспринимается как их достоинство, отчасти и явился причиной дальнейших трансформаций логики и ее предмета уже в XVIII в. Рубежной фигурой в этом вопросе оказывается профессор «логики (Logic) и метафизики» Кант [König Friedrich II 1922, 93]. Хотя он всю жизнь читал лекции по логике по одному и тому же учебнику — «Извлечению из учения разума» Майера, Кант практически никогда не использовал в печатных произведениях сам термин «учение разума»¹⁰, зато активно пользовался уже немецкой калькой «Logik», и исторически это несомненно способствовало победе в терминологическом споре именно «логики». Многие идеи из «Учения разума» Томазия, немецкой или латинской логик Вольфа находят в кантовских трудах свое отражение. Примечательно, однако, что это в большей степени справедливо в отношении его собственно философских трудов, нежели лекционных курсов по логике в различных записях. Иными словами, философская составляющая логических трактатов Томазия и Вольфа отчасти перекечевала у Канта в «Критику чистого разума». С одной стороны, это привело к тому, что главный трактат Канта — по собственным уверениям автора, «трактат о методе» [Kant 1983, В XXIII; Кант 1994^a, 21] — некоторыми воспринимался и воспринимается как логическое произведение [Лубкин 1805, 185; Tonelli 1975, 187], с другой стороны, это привело к заметному философскому обеднению и выхолащиванию курсов логики по крайней мере в некоторых дошедших до нас редакциях, хотя есть и обратные примеры (в частности, «Венская логика»).

Несмотря на то, что Томазий Кантом почти и не упоминается, а если такое изредка и происходит, то, скорее, как юрист, а не как логик или философ, все же ранний образ докритического Канта, носящего шпагу [Worowski 1993, 146–147], слышущего «галантным магистром»¹¹ и публикующего в 1762 г. «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», воспринимается иначе, если принять во внимание облик автора «Введения в придворную философию» и его логические идеи. «Пробный камень истины» — понятие, широко используемое Кантом как в лекциях по логике, так и в «Критике чистого разума» [Kant 1983, В 84/A 60, В 493/A 465, В 675/A 647; Кант 1994^a, 75, 292, 388; Kant 1923, 57; Кант 1994^b, 314], можно обнаружить уже в предисловии ко «Введению в учение разума» Томазия [Thomasius 1691, 14]. Загнущая Томазием проблема полигистории и полиматии через посредничество «Учения разума» Майера найдет дальнейшее развитие как раз в лекциях Канта по логике¹². В то же время уже в предисловии к «Критике чистого разума» Кант воспроизводит трехчастный метод Вольфа [Kant 1983, В XXXV–XXXVI; Кант 1994^a, 27]. Раздел же из завершающего это произведение учения о методе под названием «О мнении, знании и вере» [Kant 1983, В 848/A 820; Кант 1994^a, 480] явным образом соотносится с главой Вольфа из «Немецкой логики» с заголовком «О науке, вере, мнениях и заблуждениях». А в знаменитом пассаже из первой «Критики» о том, что «...нередко и в обыденной речи, и в сочинениях путем сравнения мыслей, высказываемых автором о своем предмете, мы понимаем его лучше, чем он сам себя, если он недостаточно точно определил свое понятие и из-за этого иногда говорил или даже думал несогласно со своими собственными намерениями» [Kant 1983, В 370/A 314; Кант 1994^a, 226], на который затем ссылались при обсуждении «Заявления по поводу наукоучения Фихте» Фихте с Шеллингом, Кант пересказывает соответствующие параграфы практической логики все того же Вольфа: «Если автор связывает с определенными терминами смутное понятие, а читатель отчетливое, и при этом оба представляют тот же самый предмет, то тогда читатель понимает мысль автора и объясняет его лучше» (§ 929) [Wolff 1740^b, 660; Hinske 2011, 19–28].

После элиминации практической части логики или сведения ее до минимума, который при возросшей формализации и математизации в любом случае представляется неорганичным довеском, слабо связанным с теоретической частью, претензии логики в процессе университетского образования вне философских факультетов обосновывать все труднее, и наблюдаемый ныне в России постепенный отказ от ее преподавания на 182

различных факультетах и в рамках различных специализаций оказывается следствием в том числе и этой эволюции логики. Те или иные варианты «академического письма» и появившегося вне философской традиции критицизма так называемого «критического мышления», оказывающиеся навыками, а не наукой, учением или искусством, вряд ли смогут заполнить возникшую брешь лучше, нежели некий осовремененный вариант практической логики Вольфа.

Примечания

¹ Причины, по которым у Вольфа из метафизического канона в этом списке пропала атрибутивная для «Немецкой метафизики» космология, для меня не понятны. В связи с онтологией как «основной наукой» см. «Метафизику» А.Г. Баумгартена и иные немецкие произведения середины XVIII в. – см. об этом: [Тетенс 2013, 186]. Что же касается куда менее влиятельной традиции метафизики как «главной науки», см. об этом: [Тетенс 2013, 197; Eschenbach 1757].

² Раздел «О методе математическом краткое рассуждение» в русском переводе Вольфа XVIII в. представляет собой сокращенный вариант и не содержит цитируемые ниже параграфы; см. [Вольф 1770].

³ О применении математического метода в философии см. (§ 139) [Wolff 1740^b, 69–70]; см. также предисловие к [Wolff 1709].

⁴ Ср. с соответствующими правилами Р. Декарта: «Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признаю бы таковым с очевидностью... Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить. Третье – располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных... И последнее – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено» [Декарт 1989, 260]. Критика подобного метода представлена уже у Лейбница: правила декартовского метода «...весьма напоминают рецепт некоего алхимика: возьми, что следует, сделай, как следует, и получишь то, что желаешь» [Лейбниц 1984^b, 157].

⁵ Вайгель также прибегнул к программному изображению в своем труде: цифры и геометрические фигуры проистекают из антропоморфического изображения Бога на небе, на земле же их пытаются познать при помощи тех или иных вычислительных приборов.

⁶ В отличие от «Немецкой логики», латинская логика Вольфа не содержит программной иллюстрации.

⁷ В некоторых комментариях «Немецкой логики» середины XVIII в. – вероятно, под влиянием латинской логики Вольфа – главы об опыте и открытии суждений относили все же к практической логике; см.: [Nicolai 1756, 109]. Эту же позицию разделяют некоторые современные исследователи; см.: [Cataldi Madonna 2018, 96].

⁸ См. о них подробнее: [Van Peursen 1983, 66–88]. О предыстории искусства открытия у непосредственных предшественников Вольфа см. также: [Van Peursen 1986, 183–194; Van Peursen 1993, 395–410].

⁹ Учебник И.С. Рижского объединяет с компендиумами Томазия и Вольфа и то обстоятельство, что он один из немногих среди русских книг того времени на фронтисписе содержит смысловую иллюстрацию в виде дерева с мощными корнями и латинским изречением «Tuum est».

¹⁰ См. одно из редких упоминаний: [Kant 1983, В 78/A 53; Кант 1994^a, 72]. Русский перевод настоятельно нуждается в данном случае в исправлении.

¹¹ Как показывает О. Шёндёрффер, фраза о «галантном магистре», в буквальном виде не использовавшаяся у современников, восходит, вероятно, к сочинению К.А. Бёттигера; см.: [Schöndörffer 1924, 69].

¹² См. в качестве примера: [Kant 1966, 797].

Источники и переводы – Primary Sources in Russian Translation

Вольф 1765 – *Вольф Хр.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы. СПб.: Типография Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского Корпуса, 1765 (Wolff, Christian (1713) *Vernünfftige Gedancken...*).

Вольф 1770 – *Вольф Хр.* Сокращение первых оснований математике, сочиненное в пользу учащагося юношества. Т. 1. СПб.: Морской шляхетный кадетский Корпус, 1770 (Wolff, Christian (1737) *Auszug aus den Anfangs-Gründen...*).

Вольф 2001 – *Вольф Хр.* Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще, сообщенные любителям истины Христианом Вольфом (1725) / Жучков В.А. (ред.) Христиан Вольф и философия в России. СПб.: РХГИ, 2001. С. 230–358 (Wolff, Christian (1713) *Vernünfftige Gedancken...*).

Гейне 1994 – *Гейне Г.* К истории религии и философии в Германии. М.: Прогресс, 1994 (Heine, Heinrich (1834) *Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland*).

Декарт 1989 – *Декарт Р.* Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М: Мысль, 1989. С. 250–296 (Descartes, René (1637) *Discours de la méthode*).

Кант 1994^a – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994 (Kant, Immanuel (1787) *Kritik der reinen Vernunft*).

Кант 1994^b – *Кант И.* Логика // Кант И. Сочинения в 8 т. Под ред. А.В. Гулыги. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 266–398 (Kant, Immanuel, *Logik. Ein Handbuch zu Vorlesungen*).

Лейбниц 1984^a – *Лейбниц Г.В.* Некоторые соображения о развитии наук и искусстве открытия // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 474–479 (Leibniz, Gottfried Wilhelm (1984) [*Some considerations about the development of the sciences and the ars inveniendi*]).

Лейбниц 1984^b – *Лейбниц Г. В.* Письмо к неизвестному адресату // Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 151–158 (Leibniz, Gottfried Wilhelm (1984) [*Letter to an unknown addressee*]).

Рижский 1790 – *Рижский И.С.* Умолвление или умственная философия, написанная в Санкт-Петербургском горном училище. В пользу обучающегося в нем юношества. СПб.: Типография горного училища, 1790 (Rizhsky, Ivan S. (1790), *Logic or philosophia rationalis*).

Тетенс 2013 – *Тетенс И.Н.* О всеобщей спекулятивной философии. М.: Канон+, 2013 (Tetens, Johann Nicolaus (1775), *Ueber die allgemeine speculativische Philosophie*).

Источники на немецком, французском и латинском языках – Primary Sources

Acta eruditorum (1713) *Acta eruditorum anno M DCC XIII publicata*, Typis Joh. Casp. Mulleri, Leipzig.

Atze, Christian G. (1778) *Kurze Vernunftlehre für Frauenzimmer, mit einer Vorrede von Christian Gottlieb Steinberg*, Gutsch, Breßlau.

Borowski, Ludwig E. (1993) ‘Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant’s’, Gross Felix (ed.) *Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E. A. Ch. Wasianski. Mit einer Einleitung von Rudolf Malter*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, pp. 3–102.

Darjes, Joachim G. (1737) *Die Lehrende Vernunft-Kunst Welche Eine vernünfftige Anweisung Zur Verbesserung der Kräfte des Verstandes in Beurtheilung und Erfindung der Wahrheiten in sich enthält und Aus der Natur der Seele in Mathematischer Lehr-Art Zur Grundlegung zu einer höheren Wissenschaft und zum Nutzen seiner Zuhörer aufgesetzt worden*, Buch, Jena.

Darjes, Joachim G. (1742) *Introductio in artem inveniendi seu logicam theoretico-practicam qua analytica atque dialectica*, Buch, Jena.

Eschenbach, Johann Chr. (1757) *Metaphisic oder Hauptwissenschaft*, Anton Ferdinand Röse, Rostock.

Jetze, Franz Chr. (1798) *Logik oder Vernunftlehre zum Selbstunterricht für Militaristen und andere: allenthalben mit gezeigtem Nutzen bey der Erlernung der Wissenschaften, besonders der militärischen, und zur Klugheit im gesellschaftlichen Leben der Menschen*, Siegert, Liegnitz.

Kant, Immanuel (1923) ‘Logik. Ein Handbuch zu Vorlesungen’, Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften (ed.) *Kant’s Gesammelte Schriften*, Bd. IX, Walter de Gruyter & Co, Berlin, pp. 3–150.

Kant, Immanuel (1966) ‘Wiener Logik’, *Kant’s Gesammelte Schriften*, Bd. XXIV, Walter de Gruyter & Co, Berlin, pp. 785–940.

Kant, Immanuel (1983) ‘Kritik der reinen Vernunft’, Weischedel, Wilhelm (ed.) *Kant, Immanuel, Werke in zehn Bänden*, Bd. 3–4, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt.

Krieger, Johann A. (1752) *Praktische Logik, nach den Wegen der gesunden Vernunft zum Nutzen aller, besonders aber derer, sich der Rechtsgelahrtheit beleißigen, und solche in den Gerichtsstuben mit Beyfall anwenden, wie auch derer, sich im gemeinen Leben und Wandel vernünfftig aufführen wollen*, Winter, Frankfurt an der Oder.

König Friedrich II (1922) ‘Cabinetsordre König Friedrich’s II. vom 31. März 1770’, Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften (ed.) *Kant’s Gesammelte Schriften*, Bd. X, Walter de Gruyter & Co, Berlin, pp. 93–94.

Ludovici, Carl G. (1737) *Ausführlicher Entwurf einer vollständigen Historie der Wolffischen Philosophie anderer Theil*, Löwe, Leipzig.

Ludovici, Carl G. (1738) *Ausführlicher Entwurf einer vollständigen Historie der Wolffischen Philosophie*, Löwe, Leipzig.

Mariotte, Edme (1678) *Essay de logique, contenant les principes des sciences et la maniere de s’en servir pour faire de bons raisonnemens*, E. Michallet, Paris.

Meier, Georg F. (1752^a) *Auszug aus der Vernunftlehre*, Gebauer, Halle.

Meier, Georg F. (1752^b) *Vernunftlehre*, Gebauer, Halle.

Meier, Georg F. (1760) *Auszug aus der Vernunftlehre*, Gebauer, Halle.

- Meier, Georg F. (1762) *Vernunftlehre*, Gebauer, Halle.
- Nicolai, Gottlob S. (1756) *Anmerkungen und Zusätze zur Deutschen Logik des seligen Herrn Canzler B. von Wolff*, Kleyb, Frankfurt.
- Poiret, Petrus (1677) *Cogitationum rationalium de Deo, anima et malo libri quator*, Apud Danielem Elsevirium, Amsterdam.
- Reimarus, Hermann S. (1756) *Vernunftlehre als eine Anweisung zum richtigen Gebrauche der Vernunft in der Erkenntniß der Wahrheit, aus zweoen ganz natürlichen Regeln der Einstimmung und des Widerspruchs hergeleitet*, Bohn, Hamburg.
- Reimarus, Hermann S. (1782) *Vernunftlehre als eine Anweisung zum richtigen Gebrauche der Vernunft in der Erkenntniß der Wahrheit, aus zweoen ganz natürlichen Regeln der Einstimmung und des Widerspruchs hergeleitet*, Bohn, Hamburg.
- Reinhard, Lorenz (1742) *Grund-Sätze der Vernunfti-Lehre vor Printzen und hohe Standes-Personen*, Franckfurt, Leipzig.
- von Rohr, Julius B. (1726) *Versuch Einer erleichterten und zum Gebrauch des menschlichen Lebens eingerichteten Vernunfti-Lehre; Darinnen angewiesen wird, Wie die Schüler der Weißheit, so wohl in den Wissenschaften, als auch in Künsten, und überhaupt in dem menschlichen Leben, nach einer neuen und bißher ungewöhnlichen Lehr-Art, der Natur und Leitung des Verstandes gemäß, neue Wahrheiten erfinden, die erfundenen beurtheilen, in gehöriger Ordnung mit einander verbinden, Und zur Beförderung der menschlichen Glückseligkeit nützlich anwenden sollen*, Gleditsch, Leipzig.
- Sailer, Johann M. (1785) *Vernunftlehre für Menschen wie sie sind, d.i. Anleitung zur Erkenntniß und Liebe der Wahrheit*, 2 Bde., Strobl, München.
- Thomasius, Christian (1691) *Einleitung zu der Vernunfti-Lehre, Worinnen durch eine leichte, und allen vernünftigen Menschen, waserley Standes oder Geschlechts sie seyn, verständliche Manier der Weg gezeigt wird, ohne die Syllogisticae das wahre, wahrscheinliche und falsche voneinander zu entscheiden, und neue Wahrheiten zu erfinden*, Salfeld, Halle.
- Treuner, Johann Ph. (1697) *Leich-Reden zu Erläuterung des in seinen Collegiis gezeigten Nutzens der Vernunfti-Lehre in der Rede-Kunst*, Oehrling, Jena.
- von Tschirnhaus, Ehrenfried W. (1695) *Medicina mentis, sive Artis inveniendi praecepta generalia*, Fritsch, Leipzig.
- Ulrich, Johann A.H. (1772) *Erster Umriß einer Anleitung zu den philosophischen Wissenschaften zum Gebrauch der Vorlesungen, Tl. I: Die Vernunftlehre, Grundwissenschaft und natürliche Theologie*, Gollner, Jena.
- Vernunftlehre (1763) *Vernunftlehre zum bequemen Gebrauche der Damen in Gespräche abgefasst*, Rüdiger, Berlin.
- Weber, Joseph von (1788) *Leitfaden zu Vorlesungen über die Vernunftlehre*, Verlag bei Bernhard Kälin, Dillingen.
- Weigel, Erhard (1693) *Philosophia mathematica, theologia naturalis solida, per singulas scientias continuata, universae artis inveniendi prima stamina complectens*, Birkner, Jena.
- Wolff, Christian (1703) *Philosophia practica universalis mathematica methodo conscripta*, Goetze, Leipzig.
- Wolff, Christian (1704) *Dissertatio algebraica de algorithmo infinitesimali differentiali*, Goetze, Leipzig.
- Wolff, Christian (1709) *Aerometriae elementa, in quibus aliquot Aëris vires ac proprietates juxta methodum Geometrarum demonstrantur*, Lanckisch, Leipzig.
- Wolff, Christian (1710) *Der Anfangs-Gründe Aller Mathematischen Wissenschaften Bd. I*, Renger, Halle.
- Wolff, Christian (1713) *Vernünftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntis der Wahrheit*, Renger, Halle.
- Wolff, Christian (1719) *Vernünftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntis der Wahrheit*, Renger, Halle.
- Wolff, Christian (1722) *Vernünftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntis der Wahrheit*, Renger, Halle.
- Wolff, Christian (1725) *Vernünftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt*, Renger, Halle (Russian Translation 2001).
- Wolff, Christian (1727^a) *Vernünftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntis der Wahrheit*, Renger, Halle.
- Wolff, Christian (1727^b) *Vernünftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntis der Wahrheit*, Renger, Halle (Russian Translation 1765).
- Wolff, Christian (1728) *Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere*, Renger, Frankfurt.
- Wolff, Christian (1733) *Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften, die er in deutscher Sprache von den Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben*, Andrea & Hort, Frankfurt.
- Wolff, Christian (1737) *Der Anfangs-Gründe Aller Mathematischen Wissenschaften Bd. I*, Renger, Halle.
- Wolff, Christian (1738) *Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experimentiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur*, Renger, Frankfurt.
- Wolff, Christian (1740^a) *Der vernünftigen Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, Anderer Teil, bestehend in ausführlichen Anmerkungen*, Andrea & Hort, Frankfurt am Main.

Wolff, Christian (1740⁶) ‘Discursus praeliminaris de philosophia in genere’, Wolff, Christian, *Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere*, Officina Rengeriana, Frankfurt, pp. 1–104.

Wolff, Christian (1740⁹) *Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere*, Officina Rengeriana, Frankfurt.

Wolff, Christian (1751) *Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt*, Renger, Halle.

Wolff, Christian (1754) *Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit*, Renger, Halle.

Wolff, Christian (1755) *Des weyland Reichs-Freyherrn von Wolff übrige theils noch gefundene Kleine Schriften und Einzele Betrachtungen zur Verbesserung der Wissenschaften*, Renger, Halle.

Wolff, Christian (1841) *Christian Wolffs eigene Lebensbeschreibung*, hrsg. von Heinrich Wuttke, Weidmann’sche Buchhandlung, Leipzig.

Ссылки – References in Russian

Круглов 2018 – Круглов А.Н. «Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. и задачи логики в эпоху Просвещения. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 161–174.

Крыштоп 2017 – Крыштоп Л.Э. Христиан Томазий о религии и морали: начало Просвещения в Германии // История философии. 2017. Т. 22. № 2. С. 29–43.

Лубкин 1805 – Лубкин А.С. Письма о критической философии // Северный вестник. 1805. Ч. VII. С. 184–197.

Хинске 2007 – Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта; Без примечаний: афоризмы. М.: Культурная революция, 2007.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 3. P. 172–187

Vernunftlehre* and *Logik* in German Philosophy of the 18th Century and Logic Issues in the Age of Enlightenment

Part II

Alexei N. Krouglov

There were dozens of terms for logic in the 18th century, and the terms *Vernunftlehre* and *Logik* stood out from others. At the beginning, the reading differences were tied to the conversion of philosophical language from Latin to German. But later, in the Age of German Enlightenment, they resulted in substantial diversity of logic issues treatments that was mostly manifested in Chr. Thomasius’s *Vernunftlehre* and Chr. Wolff’s *German Logic*. Thomasius looks at reason studies from anthropological point of view as he stresses its connection with a human being as she is the only being with reason. He explains the demand for logic with the Fall and the following required return to the healthy state of reason. Thomasius rejects the scholastic mnemonics and syllogistics and concentrates on practical logic of everyday life. Wolff builds his logic on the mathematical background. He accepts the threefold structure “concept–judgment–reasoning” in the theoretical part of his logic, as well as he supports the universal application of syllogistics including its application in the art of discovery. Despite of the various views on syllogistics, Wolff and Thomasius emphasize the instant need of logic not only in cases of truth justification but also in cases of new knowledge discovery. Both Wolff and Thomasius consciously reject the discussion whether logic is a study, a science, an art or an instrument. Instead of that, they prefer to develop practical logic, and the highest achievement of this development appears in Wolff’s *Latin Logic*.

KEY WORDS: Chr. Thomasius, Chr. Wolff, Vernunftlehre, theoretical logic, practical logic, ars inveniendi, syllogistic, German Enlightenment.

KROUGLOV Alexei N. – . Russian State University for the Humanities , Faculty of Philosophy, 6 Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.

* The paper is granted by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00889a, “Kant’s Lectures on Logic in Light of Contemporary Argumentation Theory and Critical Thinking Tradition”.

DSc in Philosophy, professor, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, RSUH.

akrouglov@mail.ru

Received on March 12, 2018.

Citation: Krouglov, Alexei N. (2019) “Vernunftlehre and Logik in German Philosophy of the 18th Century and Logic Issues in the Age of Enlightenment. Part II”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2019), pp. 172–187.

DOI: 10.31857/S004287440004420-7

References

- Arndt, Hans-Werner (1978) ‘Einführung’, Wolff, Christian, *Gesammelte Werke, hrsg. von Jean École u.a.*, Abt. I, Bd. 1, Olms, Hildesheim, pp. 7–102.
- Billier, Gerhard (2018) ‘Biographie und Bibliographie’, Theis, Robert, Aichele, Alexander (ed.) *Handbuch Christian Wolff*, Springer, Wiesbaden, pp. 5–31.
- Cataldi Madonna, Luidgi (2018) ‘Logik’, Theis, Robert, Aichele, Alexander (ed.) *Handbuch Christian Wolff*, Springer, Wiesbaden, pp. 93–113.
- Hinske, Norbert (1990) ‘Die tragenden Grundideen der deutschen Aufklärung. Versuch einer Typologie’, Ciafardone, Raffaele (ed.) *Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellungen. Deutsche Bearbeitung von Norbert Hinske, Rainer Specht*, Reclam, Stuttgart, pp. 407–458.
- Hinske, Norbert (1998) *Zwischen Aufklärung und Vernunftkritik*, Frommann-Holzboog, Stuttgart-Bad Cannstatt (Russian Translation 2007).
- Hinske, Norbert (2011) ‘De l'accueil correct des idées d'autrui. Culture de la conversation et de la lecture de Wolff a Kant’, Grapotte, Sophie, Prunea-Bretonnet, Tinca (ed.) *Kant et Wolff. Héritages et ruptures*, Vrin, Paris, pp. 19–28.
- Krouglov, Alexei N. “Vernunftlehre and Logic in German Philosophy of the 18th Century and Logic Issues in the Age of Enlightenment. Part I”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp.161–174.
- Kryshtop, Ludmila E. (2017) ‘Christian Thomasius on Religion and Morality: The Beginning of the Enlightenment in Germany’, *History of Philosophy*, Vol. 22, No. 2, pp. 29–43 (in Russian).
- Lubkin, Alexandre S. (1805) ‘Letters on Critical Philosophy’, *The Northern Herald*, No. VII, pp. 184–197 (in Russian).
- Risse, Wilhelm (1970) *Die Logik der Neuzeit*, Bd. 2, Frommann-Hoolzboog, Stuttgart-Bad Cannstatt.
- Schöndörffer, Otto (1924) ‘Der elegante Magister’, *Reichs philosophisches Almanach auf das Jahr 1924. Immanuel Kant zum Gedächtnis 22. April 1724*, Otto Reichl Verlag, Darmstadt, pp. 65–86.
- Tonelli, Giorgio (1975) ‘Kant’s Critique of Pure Reason within the Tradition of Modern Logic’, Funke, Gerhard (ed.) *Akten des 4. Internationalen Kant-Kongresses Mainz 1974, Tl. III, Vorträge*, Walter de Gruyter, Berlin, pp. 186–191.
- Van Peursen, Cornelis A. (1983) ‘Ars inveniendi im Rahmen der Metaphysik Christian Wolffs. Die Rolle der ars inveniendi’, Schneiders, Werner (ed.) *Christian Wolff 1679–1754. Interpretationen zu seiner Philosophie und deren Wirkung. Mit einer Bibliographie der Wolff-Literatur*, Meiner, Hamburg, pp. 66–88.
- Van Peursen, Cornelis A. (1986) ‘Ars Inveniendi bei Leibniz’, *Studia Leibnitiana*, Bd. 18, pp. 183–194.
- Van Peursen, Cornelis A. (1993) ‘E. W. von Tschirnhaus and the Ars Inveniendi’, *Journal of the History of Ideas*, Vol. 54, No. 3, pp. 395–410.